

Лидия Чарская

Тасино горе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Чарская Л.
Ч-22 Тасино горе / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 86 с.

ISBN 978-5-4241-3416-6

Лидия Алексеевна Чурилова (урожденная Воронова, литературный псевдоним Лидия Чарская) по праву считается самой популярной детской писательницей России начала века. Перу этой одаренной и необычайно плодотворной писательницы принадлежат десятки произведений для детей, подростков и взрослых читателей. Количество написанного Чарской может быть сравнимо разве что с масштабами ее огромной, поистине небывалой популярности...

Продолжали зачитываться Чарской и после того, как ее произведения — уже в двадцатые годы XX века — были объявлены «слащавыми» и вредными для читателя, а затем запрещены и изъяты из библиотек. Наиболее любимые повести писательницы, однако, долго еще переписывались читателями, передавались из рук в руки.

ISBN 978-5-4241-3416-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Тасино горе

Глава I

Почему сердятся на Тасю

Золотые лучи июльского солнышка заливают комнату своим ярким светом. Окно в сад раскрыто настежь, и в него тянутся колючие ветки шиповника, сплошь покрытые душистыми розовыми цветами.

Черноглазая девочка, подвижная и хорошенькая, но с капризно вытянутыми в гримасу губами и с сердито нахмуренными бровями, пишет, потешно прикусив кончик высунутого языка.

Пожилая гувернантка, низко наклонив голову над книгой и сощутив близорукие глаза, громко читает, отделяя каждое слово.

— «Послушание и покорность есть самое главное достоинство каждого ребенка», — диктует гувернантка и, оторвавшись на мгновение от книги, обращается к черноглазой девочке:

— После ребенка надо поставить точку. Вы написали, Тася?

Девочка бурчит что-то себе под нос, потом быстро отбрасывает от себя перо и кричит чуть не в голос на всю классную:

— Я посадила кляксу, мадмуазель! Я посадила кляксу!

— Тише! — спокойно, но строго останавливает гувернантка, — не кричите же так, я не глухая. Приложите промокательную бумагу и пишите дальше.

— Я не хочу писать! — решительно заявляет девочка и резким движением отшвыривает тетрадь в сторону.

— Но вы должны заниматься, — чуть повышая голос, возражает Марья Васильевна (так зовут гувернантку). — Вы должны заниматься, Тася, — еще строже повторяет она, — ваша мама желает, чтобы вы делали диктовку ежедневно.

— Неправда! — горячится девочка, — мамаша добрая и не захочет мучить бедную Тасю, а это все вы сами выдумали! Да, да, да! Сами, сами, сами! — И она готова расплакаться злыми, капризными слезами.

Потом, неожиданно придвинув к себе тетрадь и обмакнув перо, она сердито заговорила:

— Ну, да уж хорошо! Диктуйте! Я буду писать, раз вы требуете. Диктуйте, только поскорее!

И в тоже время черные глазки девочки весело и плутовато блеснули под длинными пушистыми ресницами.

— Так-то лучше, — произнесла, несколько смягчаясь в свою очередь, Марья Васильевна, — давно бы так.

И, поднеся к своим близоруким глазам книгу, она снова принялась читать, отделяя по слогам каждое слово:

— «Послушный ребенок — это радость всех окружающих, — его все любят и стараются сделать ему как можно больше приятного»...

На минуту в классной воцарилась полнейшая тишина. Только мерно раздавался голос Марьи Васильевны да скрип пера, быстро бегающего по бумаге. Тася, склонив головку на бок, теперь старательно и усердно выводила что-то пером на страницах тетради.

— Ну, кончили вы, наконец, Тася? — через некоторый промежуток времени обратилась снова Марья Васильевна к своей воспитаннице.

— Кончила, мадмуазель! — с самым смиренным видом возразила та, протягивая тетрадь гувернантке.

Гувернантка по привычке приблизила тетрадь к самому лицу и в ту же минуту легкий крик негодования сорвался с её сердито поджатых губ.

Тася громко рассмеялась на всю классную. На странице тетради был довольно сносно нарисован брыкающийся теленок, под которым неумелым детским почерком было старательно выведено рукой Таси: «самый послушный ребенок в мире»... К довершению впечатления, под последним словом сидела огромная клякса, к которой изобретательная Тася приделала рожки, ноги и руки и получилось нечто похожее на те фигурки, которые называются «американскими жителями» и продаются на вербной неделе.

Тася была, казалось, в восторге от своей затеи. Она схватилась за бока и хохотала на всю комнату.

Но Марья Васильевна не смеялась. Она стала красная и в одну секунду вырвала злополучный рисунок из тетради. Потом, бросив на свою не в меру расхвалившуюся ученицу уничтожающий взгляд и высоко подняв руку с злополучным листком, она, помахивая им, как флагом, двинулась к двери.

— Прекрасно! Прекрасно! — произнесла она, чуть не задыхаясь от гнева, — чудесный сюрприз приготовили вы вашей мамаше ко дню её рождения!

И, еще раз взмахнув листком, она вышла из классной, сильно хлопнув за собой дверью.

Тася слышала, как вслед затем щелкнула задвижка, как повернулся ключ в замке, — и черноглазая девочка разом поняла, что она снова наказана.

Глава II

Виноватая

Золотое солнце по-прежнему ласково улыбалось с неба, заливая классную своими яркими лучами; по-прежнему розовый шиповник назойливо тянулся в окно и точно нашептывал что-то Тасе легким, чуть уловимым шелестом своих колючих ветвей.

Но девочке уже не было так весело, как прежде. Смех её оборвался, личико вытянулось и точно потемнело.

Мамино рождение!.. Приятный сюрприз!.. А она, Тася, совсем из головы выпустила, что сегодня день маминого рождения. Совсем даже и позабыла об этом и не подумала приготовить подарка милой мамусе. А Леночка и Павлик наверное уже приготовили и будут гордиться этим перед ней, Тасей! Нет! Нет! Никогда! Ни за что! Она не оставит без подарка милую маму, которая одна только и умеет прощать все шалости и проделки своей любимицы.

Как могла она забыть о ней, о милой мамочке!

И черноглазая девочка, в знак своего негодования на саму себя, изо всех сил ударила по столу своим крошечным кулачком.

— Кар! Кар! Кар! — неожиданно послышалось над её головой в эту самую минуту.

Тася подняла глаза. Прямо перед окном на ветке старой липы, росшей у дома в простенке между двумя окнами классной комнаты, сидела небольшая черная птица, едва оперившаяся, с желтым клювом и смешными, круглыми, глупыми глазами.

Это был, очевидно, выпавший из гнезда птенец-вороненок, еще не умевший летать. Он беспомощно помахивал своими крыльями, поминутно раскрывал желтый клюв и испускал из него свое непонятное: Кар! Кар! Кар!

В одну секунду Тася забыла и про день рождения мамы, и про злополучный рисунок, и про гнев Марьи Васильевны.

Быстро вскочила она на стул, оттуда на стол, затем в один прыжок очутилась на окне и скоро её живая, юркая фигурка исчезла в зелени развесистой липы. В следующую же минуту карканье прекратилось, потом послышалось снова с удвоенной силой и желторотый птенчик забился в руках Таси.

Совершенно позабыв о том, что на ней надето любимое мамино платье из белого батиста с нарядной кружевной оборкой, Тася, с ловкостью белки перепрыгивая с сучка на сучок, уже готовилась слезать с дерева, под неистовое карканье обезумевшего от страха вороненка, как неожиданно нога её поскользнулась, ветка, на которую она опиралась, выскользнула из-под ступни девочки и Тася, перекувырнувшись в воздухе, вместе с ошалевшим с перепуга вороненком шлепнулась плашмя в только что политые грядки огурцов и редиски.

Глава III

Странный подарок

Мама в своем нарядном розовом капоте «с пчелками», то есть рисунками пчелок, разбросанными по нежному розовому фону, сидела за утренним чаем.

Марья Васильевна, вся красная от неудовольствия, старательно перетирала чашки, сидя за самоваром, и жаловалась на Тасю. Подле прибора мамы лежал злополучный рисунок, вырванный из учебной тетрадки. Лицо мамы было озабоченно и грустно.

Марья Васильевна говорила: Тася невозможна. Тася непослушна. Тася дерзка и шаловлива. Конечно, она, Марья Васильевна, очень привязана к семье и любит Нину Владимировну (Тасину маму зовут Ниной Владимировной). Но... кажется, она не в состоянии больше воспитывать Тасю. Да и вряд ли кто возьмется за это. Тася невозможна. Самое лучшее, если ее отдать куда-нибудь в учебное заведение. В ближайший город, например, где у двоюродного брата Марьи Васильевны есть пансион для благородных девиц. Девочки содержатся замечательно хорошо в этом пансионе: их там учат и воспитывают, исправляя от лени и дурного характера. Там и Тасю исправят и сделают человеком, по крайней мере, а домашнее воспитание для неё — гибель.

И, окончив эту длинную речь, Марья Васильевна испытующе взглянула в лицо мамы.

Мама тоже посмотрела на Марью Васильевну, потом по лицу её проскользнула печальная улыбка, и она сказала:

— Вы простите, дорогая m-lle Marie, но Тася — моя слабость. Она, вы знаете, единственная из моих троих детей, не знала отцовской ласки: муж умер, когда Тасе была всего неделя, вот почему мне так жалко было мою сиротку, и я старалась ее баловать и за отца, и за себя. Я понимаю, что Тася избалована, но я так люблю мою девочку, что не в силах теперь обращаться с нею строго и сурово.

— Вот потому-то я и советую отдать ее из дома, — вы слишком балуете Тасю, а в пансионе моего двоюродного брата с ней будут обращаться взыскательно, но справедливо. Это принесет ей только одну пользу, — проговорила недовольным голосом Марья Васильевна.

— Знаю, — покорно согласилась Нина Владимировна, — очень хорошо знаю... Но что поделаешь! Я слабая мать. Простите мне мою слабость, а заодно простите и Тасю. Сегодня день моего рождения и мне бы хотелось, чтобы девочка была счастливой в этот день.

— Как вам угодно, Ниша Владимировна! — произнесла Марья Васильевна недовольным голосом. — Я говорила это только потому, что от души желаю добра вам и Тасе.

— Вполне верю, моя дорогая, и даю вам слово с сегодняшнего дня следить за девочкой особенно строго. Если поведение Таси окажется неподдающимся исправлению, — что делать! Я отдам ее куда-нибудь...

И Нина Владимировна тяжело вздохнула.

В ту же минуту дверь на террасу, где они обе сидели за круглым столом, широко распахнулась и двое детей — мальчик и девочка — со всех ног кинулись к матери.

— Мамуся! Душечка наша! Поздравляем тебя! — в один голос кричали они,

бросаясь обнимать и целовать Нину Владимировну.

Старшему из детей, Павлику, уже минуло четырнадцать лет. Это был плотный, коренастый мальчуган, в кадетской рубашке с красными погонами, в форменной фуражке, лихо сдвинутой на затылок. Его широкое, здоровое личико со смелыми, открытыми глазами было почти черно от загара и весь он дышал силой и здоровьем.

Сестра его, нежная, белокурая девочка, болезненная и хрупкая на взгляд, с худенькими ручонками и впалыми щеками, казалась много моложе своих одиннадцати лет. Леночка была очень слабого здоровья и постоянно ее лечили то от того, то от другого. Ради неё-то и проводила Нина Владимировна безвыездно зиму и лето в своем имении «Райском». Доктора единогласно запретили Леночке жить в городе и про город и его удовольствия дети знали лишь понаслышке.

«Райское» находилось в самой глуши России и до ближайшего города было около ста верст. Один Павлик воспитывался в Москве, в корпусе и приезжал к матери только на каникулы.

Девочек Стогунцевых учила гувернантка, а сельский священник преподавал им Закон Божий. Сама Нина Владимировна, зная в совершенстве французский и немецкий языки, учила этим языкам дочерей.

Кроме Нины Владимировны, Марьи Васильевны и детей, в доме находилась вторая нянюшка, выходявшая саму хозяйку дома и теперь помогавшая Марье Васильевне присматривать за детьми.

Со смертью мужа, которого она очень любила, Нина Владимировна Стогунцева перенесла всю свою горячую привязанность на сирот-детей. Она души в них не чаяла, особенно в Тасе, которую вследствие этого избаловала себе на голову.

Но и Павлика с Леночкой она горячо любила.

При их появлении печальная улыбка разом сбежала с её лица, она крепко обняла обоих детей и притянула их к себе.

— Вот тебе мой маленький подарок, мамуся, — немного сконфуженно говорил Павлик, вытаскивая из-за спины что-то тщательно обернутое в бумагу.

Нина Владимировна с особенным вниманием развернула пакетик и увидела красиво переплетенную записную книжку, работы Павлика.

У Павлика были положительно золотые руки. За что он ни брался, все у него выходило споро и красиво. И трудолюбив он был, как муравей: то огород разведет, то коробочки клеит, то сено убирает на покосе или рыбу удит в пруду. И эта, подаренная матери, им самим переплетенная, книжечка — одна прелесть.

Нина Владимировна несколько раз горячо поцеловала за нее своего славного сынишку и глаза её обратились к Леночке, которая, в свою очередь, подала матери искусно вышитый коврик к кровати.

Мама крепко обняла свою старшую девочку, всегда радовавшую ее послушанием и добрым, кротким нравом.

— А Тася что же? Или она уже поздравляла тебя, мамуся? — спросила Леночка, с недоумением оглядываясь во все стороны и ища сестру.

Но никто не успел ей ответить, потому что сама Тася появилась на пороге.

Но, Боже мой, в каком виде!

Легкий шепот испуга и изумления сорвался с губ присутствующих при виде девочки.

Нарядное белое платье с кружевными воланами было грязно до неузнаваемости. Целый кусок оборки волочился за ней в виде шлейфа. Волосы растрепаны. Лицо красно. На лбу огромная царапина и кончик носа замазан глиной или землей, как это умышленно делают клоуны в цирке.

— Мамочка! Милая! Дорогая! — кричала она с порога, — поздравляю тебя! Ты не бойся, мамуся... Это ничего. Я только упала с дерева... С липы, знаешь?... Мне не больно, право же не больно, мамочка. А платье замоют... Я няню попрошу... Ну, право же, мне вовсе, ну, ни чуточки не больно!

— Прекрасное поведение! — сквозь зубы процедила Марья Васильевна в то время, как Нина Владимировна с тревогой вглядывалась в запачканное до неузнаваемости чумазое личико проказницы.

— Тася! Тася! Ну, можно ли так! — говорила она с тревогой в голосе и качая головой.

Но Тася точно обезумела. Она твердила только одно:

— Мне не больно, я не ушиблась! Да право же, — и покрывала поцелуями лицо, шею и руки матери.

— Ведь вы были наказаны! Как же вы осмелились выйти из комнаты? — строим голосом произнесла, обращаясь к девочке, Марья Васильевна.

— Да я и не думала выходить из комнаты, — бойко отрезала та, — а просто из окна вылезла на липу, а с липы сверзилась прямо в грядки. Не больно только.

— Тася! Тася! Что с тобою? Я не узнаю мою девочку! — произнесла укоризненно Нина Владимировна. — Сейчас же попроси прощения у Марьи Васильевны! — добавила она с непривычной строгостью в голосе.

— Мадмуазель, простите! — буркнула Тася, не глядя на гувернантку.

— Ваша мамаша добра, как ангел, а вы так огорчаете ее! — произнесла сурово та. — А подумали ли вы о вашей мамаше? Павлик и Леночка приготовили свои сюрпризы, а вы?

— Сюрпризы! Ах! — растерянно прошептала Тася и все лицо её запылало ярким румянцем смущения.

С минуту она стояла уничтоженная, печальная, с низко опущенной головой. Потом вдруг личико её засияло улыбкой, глаза блеснули и она с радостным смехом бросилась на шею матери.

— Душечка мамуся! — шепнула она, вся радостная и счастливая, — если бы ты знала, как я люблю тебя! Я не умею клеить коробочек и переплетать книг, как Павлик, или вышивать коврики, как Леночка, но... Зато я отдам самое дорогое... Самое любимое, что у меня есть... Мне «он» так нравится, что я бы с ним никогда, никогда не рассталась, но тебе я его подарю... Потому что я тебя еще больше люблю, душечка мамаша!

С этими словами она быстрым движением опустила руку в карман, и в ту же секунду перед удивленной Ниной Владимировной, подле её чайного прибора, очутилось смешное желторотое и длинноклювое существо, с едва отросшими пушистыми крыльями.

Дружное «ох» вырвалось из груди присутствующих.

Нина Владимировна невольно отодвинула свой стул от стола. Марья Васильевна даже взвизгнула от неожиданности. Леночка кинулась под защиту Павлика, надеясь на его кадетскую храбрость. Словом — произошел необыкновенный переполох. Один Павлик храбро подступил к вороненку и кричал: «Кыш!

Кыш!» — махая фуражкой.

А виновник суматохи, вороненок, страшно испугавшись всего этого шума и кутерьмы, совсем потерял голову. Он недоумевал с минуту, потом неожиданно встрепенулся и с решительным видом заковылял по скатерти, опрокидывая по пути чашки и стаканы. Мимоходом попал в сахарницу, выскочил из неё, как ошпаренный, наскочил на лоток с хлебом и, в конце концов, очутился в крынке с молоком, уйдя в нее по самую шею.

Теперь из молока торчала только круглая головенка с желтым клювом, из которого вылетало поминутно неистовое: «Кап! Кап! Кап!»

Глаза несчастного птенчика стали еще круглее от ужаса, и он вращал ими во все стороны, исполненный страха.

— Он захлебнется! Он захлебнется! Спасите его! — кричала не своим голосом Тася и, не долго думая, запустив обе ручки в крынку, извлекла оттуда своего приемыша.

Почувствовав себя на суше, вороненок разом пришел в себя. Он начал с того, что встряхнулся всем своим маленьким тельцем со слипшимися перышками, сквозь которые просвечивала кожа, и потом снова заковылял по столу.

Это было до того смешно и забавно, что Нина Владимировна не могла сдержаться от улыбки. За ней захохотал во все горло Павлик. За мальчиком засмеялась своим нежным, как свирель, голосом белокурая Леночка. И наконец сама Тася так и закатилась громким, здоровым, веселым хохотом. Даже Марья Васильевна усмехнулась при виде потешной походки облезлого, прилизанного от молока птенчика.

Нина Владимировна не могла сердиться на Тасю. Кап не странен был подарок её младшей девочки — это был все-таки подарок и поднесен ею к тому же от души. Она нежно погладила по голове свою проказницу-дочурку и сказала ей на ушко своим добрым, ласковым голосом:

— Ты мне дашь слово, Тасенок, никогда не лазать по деревьям и вообще стараться удерживаться от шалостей и проказ. А вороненка твоего я беру охотно. Он такой смешной и забавный, а главное — он будет напоминать моей девочке о её падении с липы и этим, может быть, предостережет ее от новых проделок. А теперь, друзья мои, — обратилась мама уже ко всем детям, — сегодня вас ожидает много приятного. Ваши юные друзья, дети Извольцевы и Раевы, будут у вас в гостях, а вы примите их хорошенько и старайтесь быть добрыми хозяевами.

— Извольцевы приедут! Ура! — закричал на весь дом Павлик, подбрасывая вверх свою фуражку.

— И Тарочка! — вторила ему Тася.

— Ну, уж твоя Тарочка! Забияка! — уколол сестру мальчик.

— А твой Виктор — глупый! — рассердилась та.

— Тася! Тася! — остановила девочку Нина Владимировна.

— Да когда он первый, мамочка, — оправдывалась та.

— Идите переодеваться, слышите! — строго приказала Марья Васильевна Тасе.

Та хотела буркнуть что-то по своему обыкновению, но, встретив на себе печальный взгляд матери, удержалась на этот раз от грубой выходки.

— Не забудь же пластырь наклеить... Нельзя же с рваным лбом гостям пока-

заться! — успел шепнуть сестре незаметно Павлик.

Тася вся вспыхнула как порох и рванулась было к брату. И снова печальный и добрый взгляд матери остановил ее.

Она потупилась и молча ушла с террасы.